

29856

★

ПАРТИЗАНСКИЕ
СТИХИ
и
ПЕСНИ
ЗАПАДНЫХ
СЛАВЯН

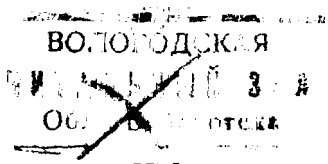
ОГИЗ · ГОСЛИТИЗДАТ · 1942

ПАРТИЗАНСКИЕ СТИХИ И ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

Переводы
НАДЕЖДЫ БЕЛИНОВИЧ

29856

ОГИЗ

*Государственное издательство
художественной литературы*
Свердловск 1942

В сборнике «Партизанские стихи и песни западных славян» собраны стихи Вл. Броневского, М. Конопницкой, В. Сладека, М. Терпиловской и других поэтов, а также чешские, хорватские, черногорские и сербские народные песни, посвященные борьбе западных славян за свое национальное освобождение.

В. Казин.

СЕРБСКИЕ СТИХИ И ПЕСНИ

ЧЕТНИК И ВИЛА

Плачет Вила у колодца
И расчесывает косы,
Косы пышные, как ветки,
И зеленые, как травы.
Поднялась звезда-денница,
Лесом юный четник скачет,
Видит—Вила горько плачет
У забытого колодца.
Костяной ломает гребень
И бросает прямо в воду,
И рыдает, и рыдает
У забытого колодца.
Громко крикнул юный четник:
— Отчего ты плачешь, Вила,
А не пляшешь у колодца
В хороводе самодивском?—
Тихо Вила отвечает:
— Как же мне, юнак, не плакать?
Ворвались враги-вампиры,
Вурдалаки—злые немцы
В наши мирные дубравы.

Топчут травы, дуб ломают,
Рубят буки молодые,
Руки вражеские хищно
Зажигают бор сосновый
И тела убитых сербов
В наши бросили колодцы.
Реки Саву и Мораву
Теплой кровью напоили.
Плачут сестры-сербиянки,
Умоляют темной ночью:
„Вилы, Вилы-Самовилы,
Злобных немцев прогоните!“—
Отвечает юный четник
Милош, четник чернокудрый:
—Вытри слезы, дева Вила,
Дева Вила-Самовила!
Собираются в дубравах,
И в ущельях, и на склонах
Наши чёты удалые,
Наши храбрые дружины.
Словно башни, наши горы,
Наши скалы неприступны,
И в ущелье Златибоя
Не войти проклятым немцам.
С каждым днем сильнее чета
Бьет тевтона-людоеда,
Угнетателя фашиста.
Наши славные гайдуки
Хлеб награбленный сжигают
И взрывают мост висячий...

И удача, словно знамя,
С нами в битвах и набегах.
Над вершиной Златибоя
Каждый день восходит солнце,
Каждый день идут юнаки
И отважные молодки
В нашу чету огневую
За страну родную драться,
За славянские просторы,
Наши горы, наши пашни!—
Так промолвил юный четник.
Вила вытерла ресницы,
Костяной достала гребень
Из глубокого колодца;
Прошептала дева Вила:
—Брат отважный, юный четник,
Я сплела из трав душистых
Самодивское колечко.
Ты надень его на палец,
Оберни вокруг три раза —
Превратишься тотчас, четник,
В птицу-сокола, иль в реку,
Или в дуб зеленоглавый.—
Четник взял подарок Вилы,
И отныне партизаны
Обращаются мгновенно
В птицу-сокола, иль в речку,
Или в дуб зеленоглавый.
Им природа помогает —
Дева Вила-Самовила —

Бить проклятого тевтона,
Обмануть врага тевтона,
Окаянного фашиста.

КРЕПОСТЬ

Широки наши просторы,
И горы наши скалисты,
Они поднялись, как башни,
Зубчатые темные башни.
Похожи наши ущелья
На крепостные бойницы,
Сверкает река ятаганом,
Навстречу врагу стремится.
Случилось великое горе,
Беда разразилась над нами:
Пришли угнетатели-немцы
И стали топтать нашу землю.
Ядран—белопенное море —
От гнева вскипело волною,
И тучами горы закрыли
Вершины свои золотые.
Оружие взяли юнаки,
Ушли партизаны в пещеры,
И горы крепостью стали,
А рощи стали капканом.
Но вдруг потемнело небо...
Не туча ли то грозовая
Летит, дождем набухая,
Над Сербией полоненной?

Нет, это соколы стайей
Летят над родными горами
И клекчут, и клекчут, и клекчут
По-чешски, по-русски, по-польски:
— Гайдуки, гайдуки-славяне,
Отважные четники-братья!
Не только хорваты и сербы
Сбирают могучие четы
И бьют окаянных фашистов...
Вдоль Лабы идут партизаны,
У Влтавы плывут, словно лава,
В лесах возле Вислы широкой
Проходят славянские четы.
Бьют четники немцев проклятых
В Гуцульщине вольнолюбивой,
На круче седого Дуная,
На вязких трясинах Полесья
И в Черных Горах неприступных.
Пока на востоке восходит
Родное горячее солнце
И ярко сияет над нами,
Не будут славяне рабами.
И земли славянские наши,
Омытые дедовской кровью,
Огромною крепостью стали,
Где смело мы бьемся с тевтоном.
За каждым кустом и за камнем
Мы в полночь врага поджидаем
И бьем его беспощадно.

МАРИЦА

Пришли окаянные немцы,
Пришли собаки австрийцы,
Разграбили дом сербиянки,
Вдовы сербиянки Марицы,
И братьев Марицы убили.
Заплакала горько Марица,
Кричала румяному солнцу,
Крылатому горному ветру
И светлому месяцу в небе:
— Ой, солнце, ой, месяц, ой, ветер,
Взгляните на горькое горе,
Одна я осталась на свете —
Одна безо всякой защиты.
Убиты отважные братья,
В глубокой могиле любимый,
И дом догорел, точно свечка,
И вытоптан мой виноградник.
Ой, солнце, ой, месяц, ой, ветер,
Даруйте мне смелого сына,
Защитника молодого
И мстителя за отчизну! —
И слово вдовы сербиянки
Услышали ясное солнце,
Крылатый ветер-ветрило
И светлый месяц на небе.
И ветер, и месяц, и солнце
Сказали Марице-вдовице:
— Пойди к роднику золотому,

Найди на берегу камень,
Закрой его лопухами,
Запеленай в покрывало,
И трижды тот белый камень
Ты обнеси, как ребенка,
Вокруг зеленого дуба,
И станет камень младенцем,
Смелым, единственным сыном,
Мстителем за отчизну.—
Пошла вдова Марица
На берег ручья золотого,
Нашла на берегу камень,
Закрыла его лопухами
И бережно запеленала
Простым своим покрывалом.
И тот запеленутый камень
Она обнесла три раза
Вокруг зеленого дуба.
Свершилось великое чудо:
Стал камень и мягким и теплым,
Недвижный — зашевелился
И обратился ребенком,
Милым единственным сыном,
Мстителем за отчизну.
И назвала Марица
Смуглого сына — Георгий.
Он рос не по дням — по минутам.
Так девять недель миновало.
Стал взрослым юнаком Георгий,
Горячим, как жаркое солнце,

Прекрасным, как месяц на небе,
И сильным, как ветер-ветрило.
Пришли лиходеи немцы,
Пришли собаки австрийцы,
Пришли, как разбойники, грабить
И сербов терзать без пощады.
Но встал Георгий отважный,
Сорвал дубовую ветку,
И обернулась ветка
Тонкой серебряной саблей.
И порубил Георгий
Проклятых врагов иноземцев
Своею серебряной саблей.
Сказала вдовица-Марица:
—Теперь отдохни, Георгий,
Накрыла я стол дубовый,
В кувшин налила ракию.—
Юнак Георгий ответил:
—Мне некогда, милая мамо,
Я полк изрубил немецкий,
Но много полков осталось—
Грабят нашу отчизну.
Сберу я отважную чету
И буду с врагом сражаться.
Не выпущу острой сабли,
Пока хоть единый недруг
Останется в Сербии нашей.

САМОВИЛА — МЕНЬШАЯ СЕСТРИЦА

Ой ты, Вила, моя Самовила,
Самовила—меньшая сестрица,
Ты ресницы росой омыла,
Расчесала зеленые косы,
Поплыла вместе с белым туманом
По дубравам и влажным травам.
Утлый месяц—звериное солнце—
Восходил на небе высоком;
И ручей блистал под луною,
И сплелись в нескончаемом круге
Самовилы—прекрасные девы.
У хозяек рассвета и ночи
Губы ярче пиона-бужура
И лазурны огромные очи.
Собрались Самовилы сегодня—
На веселое обрученье,
Обрученье юнака Стояна
С юной Вилой—меньшою сестрицей.
Мед положен на листья резные,
А в кувшинах и чашах—ракия,
Но грустна молодая невеста—
Нету четника, друга Стояна.
Петухи вторые пропели,
Не пришел Стоян черноглазый...
Ходит-бродит прекрасная Вила,
Самовила—меньшая сестрица.
Ждет-пождет молодого Стояна.
Сестры старшие молвят девице:

—Появилось в ручье самодивском
Небывалое отраженье:
Топор, заржавевший от крови,
Подрубил под самые корни
Молодой дубок на поляне.—
Закричала прекрасная Вила,
Самовила—меньшая сестрица:
—Беды, беды, великое горе!
Топором не дубочек подрублен,
А Стоян убит черноглазый,
Мой отважный, прекрасный четник
Душманином зарезан тевтоном.—
Отвечают Вилы невесте:
—Наши вольные четы бессмертны,
Наши четники не умирают,
Не убит и Стоян черноглазый,
Только ранен врагом лиходеем.
Оживи молодого Стояна
Ты водою из речек славянских
И зерном наливным, золотистым,
Что растет на славянских нивах.
Принеси и воду, и зерна,—
В них великая сила таится,
Сила русских, поляков и чехов,
Сила сербов, хорватов и ляхов,
Побратимов великих и дружных.—
И на крыльях косматого ветра
Самовила—меньшая сестрица—
Поплыла с туманом рассветным
К берегам окровавленной Вислы,

К чешской Влтаве, Влтаве широкой,
И к востоку—все дальше и дальше,
Где Днепр и Волга струятся,
Где над всходами русской пшеницы
Поднимается красное солнце.
И красавица Самовила
Собирала целебную воду
Из Днепра, из Влтавы и Вислы,
Из Моравы, и Савы, и Волги,
На полях собирала славянские
Зерна желтой пшеницы и жита,
Что растили родимые братья:
И поляки, и руссы, и чехи,
И хорваты, и ляхи, и сербы.
И на крыльях косматого ветра
Поплыла с туманом рассветным
Самовила—меньшая сестрица —
И к источнику заспешила,
Где лежал средь высокой малины
Четник милый, четник убитый.
Крепко очи закрыты Стояна,
На груди—кровавая рана.
Наклонилась над ним Самовила,
Самовила—меньшая сестрица —
И обрызгала мертвые очи
Животворною свежей водою
И на грудь положила Стояна
Золотистые зерна пшеницы,
В них, согретых землею славянской,
Необъятная сила таится.

Прошептала тогда Самовила,
Самовила—меньшая сестрица:
—Оживи, мой Стоян ненаглядный,
Будь как прежде крепким и сильным.—
Задрожали ресницы Стояна,
И открылись глаза огневые.
И сказал он красавице Виле:
—Дорогая лесная невеста,
Ты спасла мне жизнь молодую,
Я пойду с тевтоном сражаться,
И когда всех немцев проклятых
Мы прогоним из нашей отчизны,
Справим, Вила, веселую свадьбу
У серебряного ручья во дубраве.

Л Ю Б И М Ы Й

Как любила я Стояна!
Девять лет его любила —
А теперь нас разлучили
Злые немцы-лиходеи.

Как любила я Стояна!
Но в темнице он томится
За тяжелыми замками,
За железными дверями.

Как любила я Стояна!
Но ушла из Београда
И от недругов бежала
На вершину Златибоя.

Как любила я Стояна!
Тесно бедное жилище,
Пляшет пламя на огнище,
Да жужжит и плачет прялка.

Как любила я Стояна!
Как я плакала о миллом...
Эти горькие рыданья
Самовила услыхала.

Ви́ла в двери постучала —
Самовила-Подгоркиня,
И, блестя косою рыжей,
В дом ко мне пришла под вечер.

Села Ви́ла у огнища,
Козьи ноги протянула.
На ее ступнях копытца,
Ноги в шерсти по колена.

Словно пена, белы плечи,
Свежи очи, будто листья,
И волшебные мониста
Ей опутывают шею.

Тихо молвит Самовила:
— Я — юнаков посестрима,
Покровительница женщин,
Верных женщин сербиянок.

Я пришла к тебе на помощь,—
Все подвластно Самовиле,
Все подвластно тем, кто любит,
Кто не ведает измены.

И белянка Самовила
Пряжу пышную схватила,
И взяла большую нитку,
И швырнула эту нитку

В пламя жаркое огнища.
На глазах случилось чудо —
Нитка сразу заалела,
Стала красно-золотая,

Загорелась, не сгорая;
Вила белою рукою
Нить из пламени схватила,
Нить горячую швырнула

За оконце, в темень ночи.
Полетела нитка прямо
Через горы к Београду,
Где на площади темница,

Где томится мой любимый.
Стала нитка Самовилы
Жесткой, крепкой, как из стали,
В дверь ударилась литую

И затворы разломала.
И, держась за кончик нитки,
Мой Стоян любимый вышел
Из глухого каземата,

Не замеченный тевтоном.
Петухи запели звонко,
В очаге взвихрилось пламя,
Улыбнулась Самовила —

В дом пришел Стоян любимый.
У меня дрожали руки...
Стол дубовый накрывала,
Громко звякала посуда.

У меня дрожало сердце...
Говорит Стоян любимый:
— Ой ты, верная Марийка,
Ой ты, верная Марийка,

Молодая сербиянка,
У тебя, как пламень, сердце,
А рука белей сугроба,
И с тобою мы до гроба

Будем вечно неразлучны.
Мы уйдем с тобою в чету,
Вместе будем мы сражаться
С угнетателем проклятым,

29856.

Что деревни выжигает,
Угоняет наше стадо,
Грабит спелые колосья,
Жен с мужьями разлучает.

Мы бороться будем с немцем,
В этом нам народ поможет
И поможет Самовила —
Наша сербская природа.

ДОРОГИ

Две предо мною лежат дороги:
Одна—зеленой травой покрыта,
Здесь ярки маки и каранфилы...
Тропа другая бежит отлого,
На ней терновник растет колючий,
Ухабы черны, как пасть могилы.
Но я дорогой пойду второю,
Тропой сражений, достойных серба.
Как знак надежды, там, за горою,
Луна поднимет дрожащий серп свой —
И я увижу при лунном свете
Простор славянский, простор раздольный.
...Шагай со мною, бродяга-ветер!
Иду я биться за нашу волю.
Довольно сербы терпели беды,
Шваб мял и тискал народ, как глину.
Вперед, на битву, трудна победа,
Но крепко сердце у славянина!

МИЛИЦА - ПАРТИЗАНКА

Ой, Милица, ой, Милица сербиянка,
Десять дней в темнице ты сидела,
На десятый день Милица-партизанка
Перегрызла острыми зубами
Тяжкие немецкие оковы
И обстригла косы смоляные,
Из своих волос сплела веревку.
Над полями восходило солнце
И заглядывало в тесную темницу
Через узкое квадратное оконце —
Темная темница опустела,
Девушка Милица убежала,
Только на окне качает ветер
Из волос сплетенную веревку.
День и ночь разыскивают немцы
Хитроумную красавицу Милицу.
Дует ветер, наступает вечер,
Тихо на левадах и в дубравах.
Месяц поднимается над речкой...
Только небо вдруг порозовело:
Над лесами зарево пожара
Разгорается все яростней и жарче,
И летает чернокрылый ворон,
Каркает он громко и протяжно:
—Берегитесь, немцы-лиходеи,
Вы напрасно спрятали пшеницу,
Краденую, спелую пшеницу,
За семью тяжелыми замками!

Сербиянка, хитроумная Милица,
Подожгла дубовые амбары
И спалила зерна наливные!—
Побежали немцы-лиходеи,
Видят, что амбара не осталось,
Лишь зрачком подмигивает уголь.
День и ночь разыскивают немцы
Хитроумную красавицу Милицу.
Дует ветер, наступает вечер,
Тихо на левадах и в дубравах.
Месяц поднимается над речкой.
Вдруг далекий раздаётся грохот,
Будто горы рухнули на землю,
И земля от страха застонала.
В небе вьётся чернокрылый ворон,
Каркает он громко и протяжно:
— Берегитесь, немцы-иноземцы,
Берегитесь девушки Милицы!
Конь железный по дороге мчался,
Девять немцев на коне сидело,—
Но швырнула бомбу партизанка,
И враги упали прямо в пропасть.—
Злые немцы побежали в горы
И нашли железные обломки,
А следов Милицы не осталось.
Живио, Милица-партизанка,
Девушка с прекрасными глазами,
Четница отважная Милица!

МИЛИЦА И МАРКО

Пожалей нашу Сербию, солнце!
Нас терзают немцы и австрийцы,
Наши нивы топчут золотые
И бесчестят девушек наших.
Ой, случилось великое горе:
Полюбил капитан немецкий
Раскрасавицу Милицу сербиянку—
Нареченную невесту Дэли-Марко.
Тихо молвит капитан Милице:
— В дальний город Бечу мы уедем,
Ты наденешь звонкие браслеты
И тяжелые блестящие монисты...—
Отвечала девушка Милица:
— Сербиянка не жена тевтону—
Не подстать я немцу капитану.
Я невеста удалого Дэли-Марко.—
Ничего капитан ей не ответил,
Повернулся и ушел во-свояси,
И за прялку села Милица.
Но впорхнула в горницу к девице
Сизокрылая горлица-голубка.
Жалобно она заворковала:
— Ой, Милица, бедная невеста,
Созывает капитан немецкий
Девять швабов, девять лиходеев.
И они пойдут в далекую пещеру,
И они зарежут ровно в полночь
Удалого молодого Дэли-Марко,

Четника отважного, юнака. —
Смелая Милица сербиянка
Спрятала на грудь под злой шалью
Ятаган отцовский заостренный,
Ночью вышла девушка из дома,
И зарезала она на месте
Девять немцев, девять лиходеев,
И вернулась в тесную светлицу.
Там пирует капитан немецкий,
Говорит красавице-невесте:
— Будешь нынче ты моей женою.
Не захочешь — силою заставлю. —
Отвечает сербиянка немцу:
— Я согласна, сердарь, я согласна,
Лишь схожу я на чердак высокий
Да надену свой наряд венчальный. —
Но Милица немца обманула,
Убежала в горы Златибоя,
Там взмолилась красному солнцу:
— Возле дома рыскают германцы,
Рыжеусые пьянчуги-лиходеи,
У соседей жилища поджигают,
Разлучить хотят меня с любимым,
Выдать замуж за проклятого тевтона.
Но не стала недругов я слушать,
Алой шалью голову покрыла,
Убежала на чердак дубовый,
Распахнула узкое оконце,
Будто кошка, прыгнула на землю
И вперед помчалась без оглядки.

Восходи скорее, радость-солнце,
Освети тяжелую дорогу,
Я спешу к любимому в пещеру,
Стану верной четницей отважной,
Буду храбро биться за свободу.—
Эти речи солнце услышало,
Пожалело девушку Милицу,
И хоть только полночь миновала
И пора рассвета не приспела,—
Сразу небо сделалось янтарным,
Будто медом кто его помазал.
Это солнце над горами Златибоя
И над всей растерзанной страной
Поднимало щит свой золотистый,
Освещало девушке дорогу.
И беглянка чернокудрая—невеста
Увидала старый бор сосновый,
Где олень ветвистыми рогами
Раздвигал невянущую хвою,
Где за лесом на вершине горной
Приютилась узкая пещера.
Там живут отважные юнаки,
Ходят ночью в смелые набега,
Немца стерегут за каждым камнем,
Бьют проклятого тевтона-басурмана.
На рассвете возвращаются юнаки
В темную, суровую пещеру...
Четник Марко—Марко темноокий—
Увидал прекрасную Милицу,
Посадил беглянку сербиянку

На коня—Шарина молодого.
Тихо молвит четник черноглазый:
—Ой, моя Милица дорогая,
Нынче справим свадьбу мы в пещере.
...Помнишь, я тебе на обрученье
Подарил и яблоко, и перстень,
Что же ты подаришь мне на свадьбу?—
Отвечала чернокудрая Милица:
— Дэли-Марко, мой супруг любимый,
Подарю тебе в честь свадьбы нашей
Ятаган наточенный, как жало,
Этим самым ятаганом острым
Я врагов проклятых заколола,
Что тебя убить хотели ночью.

(Песня сложена в 1916 году.)

ЧЕРНОГОРСКИЕ СТИХИ И ПЕСНИ

ВУК И МАТЬ

Вук повесил ружье на стену,
Дров подбросил в очаг закопченный,
Дома было тепло и тесно,
Пахло дымом и свежим хлебом.
Вук сказал своей матери старой:
— Ой, моя любимая мамо,
Никуда не пойду отсюда,
Охранять я тебя останусь.
Буду я пасти на поляне
Наших буйволиц круторогих,
По извилистой горной дороге
Погоню я курчавых баранов.
Утром рано уйду на охоту
И вернусь с богатой добычей.
Братья в чете с немцами бьются,
Я в родимом доме останусь. —
Встала мать, старуха седая,
И ружье положила на лавку,
И ломоть отрезала хлеба,
И сказала смуглому Вуку:
— Если б сын мой остался дома,

Я взяла бы ружье-самострелку
Да сама бы ушла в пещеру,
В партизанскую, смелую чету.
Не гонять тебе по дороге
Наших буйволиц круторогих:
Отберут и волов, и баранов
Рыжеусые хищные немцы.
Ой ты, Вук, мой сыночек младший,
Ты возьми ружье огневое,
Я рубашку твою постирала,
Ты надень ее перед боем.
Лютой смерти в глаза засмейся,
И она не посмеет тронуть.
Бей без страха проклятых немцев
На извилистых горных тропах,
А когда вернешься с победой,
В доме будет тепло и тесно,
Тесто вздыбится в кадке дубовой,
Наш очаг запылает снова,
Ты опять пойдешь на охоту
И баранов погонишь в левады.
А сейчас, мой сынок любимый,
Нам за родину биться надо.

МАРКО

Мы поем тебе славу, Марко.
Старец Марко серебрянокудрый.
Весь народ называет мудрым
Марко Петровича — воеводу.

Говорят — четыре столетья
Древний Марко живет на свете,
Говорят, что он спит в пещере,
Над которой нависли ели,
Над которой зеленые буки
Руки сильные протянули.
Крепко спит на соломе Марко
И глубоко и ровно дышит,
И колышет ветер-ветрило
Бороды серебристые пряди.
Но едва лишь невзгоды и горе
Разразятся над Черногорией —
Марко вздрогнет, откроет веки
И возьмет булатную саблю,
И на горной станет вершине,
Будет звать отважные четы.
— Ой, проснись, наш прославленный Марко,
Старый чётник серебрянокудрый!
Бродят недруги — хищные немцы —
По широким родимым просторам,
Черный ворон летает по небу,
Видно, ждет не дождется добычи.
Злого волка-побратима кличет
Зету-Рашку терзать дорогую. —
Эти песни Марко услышал,
И рыданья Марко услышал.
Древний Марко проснулся в пещере
Да расправил могучие плечи.
Встал на скользкой горной вершине,
Трижды свистнул властно и громко.

Ой, свистит наш Пётрович Марко
Громче ветра, грозней водопада, —
И спешат к старику юнаки
По долинам, горам и левадам.
Говорит черногорцам Марко:
— Молодые мои побратимы,
Ой, не зря я прожил на свете
Столько суток, недель и столетий.
Все я вижу, и все я помню,
Стала память, как свиток точный.
Помню, как мы сражались за волю,
Басурманов разбили проклятых;
Шли солдаты Наполеона —
Мы рубили их без пощады.
Мы прогнали трусливых австрийцев
Из пределов нашей отчизны, —
Это видел своими глазами
Я в течение долгой жизни.
Только прежде вовеки не видел,
Чтоб людей запрягали в телегу,
Чтобы грабили избы в деревне,
Чтоб девиц, привязав к деревьям,
Жгли живыми врагам на потеху,
Как теперь это делают немцы.
Собирайтесь, юнаки, в четы,
Бейте недруга злого — фашиста,
Как мы били Наполеона
И австрийцев жадные толпы.
Я живу, среброкудрый Марко,
Дед родимый моей Зеты-Рашки,

Я пойду рубиться с врагами,
Гнать волков окайнных — тевтонов.
Я проснулся — Пётрович Марко.
Берегитесь, враги-лиходеи!

ТОДОРКА

У оконца сидит девица,
Раскрасавица-черногорка,
И прядет шерстяные нитки
На раскрашенном веретенце.
В бедном доме обуглены стены,
Прогорела высокая кровля,
Нет в хлеву ни овцы, ни коровы...
Все проклятые взяли немцы.
У оконца прядет девица,
Раскрасавица-черногорка.
То не ветер стучится в ставню,
То не ветер кличет Тодорку,
Это Марко, охотник смелый,
Загорелый юнак-черногорец.
Белый конь его пеной покрылся,
Туго стянут малиновый пояс.
Молвит Марко девице Тодорке:
— Мой товарищ отныне — ветер,
Ухожу я с юнаками в чету
Бить бушманина — злого тевтона!
И пришел проститься с тобою,
Дорогая невеста Тодорка.

Ты пряди разноцветные нитки,
Сажу чаще счищай с огнища.
Я домой возвращусь с победой,
Дождись меня, Тодорка!

Но Тодорка в горячие угли
Зашвырнула тонкую пряжу,
Ярко вспыхнули тонкие нитки,
А Тодорка сказала Марко:
— И в бою, и в отеческом доме
Буду я неразлучна с тобою.
Пуль не хватит — зажженной соломой
Буду гнать врагов окаянных.
Мы вовеки рабства не знали
На вершинах скалистых и гордых,
Как волков, будут бить черногорки
И фашистские злобные орды.
Я все время буду с тобою
Путь беречь в родные ущелья,
Где кипят и шумят водопады
И склонились корявые ели.

Не ходить по деревне тевтонам
И не пить из речек студеных...
От Дубровника до Цетинье
Не увидишь людей покоренных. —
Так сказала невеста Тодорка,
На коня гнедого вскочила
И помчалась с любимым Марко
На сраженье с врагом проклятым.

За Тодоркой — ее подруги,
А за Марко — друзья-гайдуки...

Нет, нельзя победить черногорцев
Никогда, никому на свете!

МАЛЕПЬКИЙ МИРКО

Девять лет миновало мальчонке,
Черногорцу веселому Мирко,
Когда злобные псы иноземцы
Полонили родимые горы
И железными сапогами
Зету-Рашку они растоптали.
Рыжий немец, бушманин проклятый,
И отца и братьев зарезал,
Сиротою оставил мальчишку.
Молвит Мирке старая мамо:
— Ой ты, сынку, милый сыночек,
Самый младший, девятилетний,
Род погублен врагом окаянным,
Ты единственный мститель остался.
Только мал ты, не хватит силы
Уничтожить врага басурмана.
Ты пойди к лесному колодцу,
Там живет раскрасавица Вида,
Подводкиня с белой рукою,
Посестрима отважных юнаков.
Попроси Самовилу лесную
Дать воды самодивской прохладной,

Что дарует и мощь, и отвагу.
И пошел к лесному колодцу
Ровно в полночь мальчонка бесстрашный,
Видит — Ви́ла прядет молодая
Раскрасавица Ви́ла лесная.
Тихо молвит ей маленький Мирко:
— Самовила, прекрасная дева,
Подводкиня с белой рукою,
Ты владеешь рекой и горами,
И водой самодивской в колодце.
Род погублен врагом-лиходеем,
И отец мой убит и братья,
Я единый остался мститель,
Только мал я — не хватит силы
Уничтожить врагов-лиходеев.
Дай воды самодивской прохладной,
Что дарует и мощь, и отвагу. —
Пожалела Ви́ла ребенка
И студеной воды зачерпнула
Из глубин лесного колодца.
Выпил воду маленький Мирко
И вернулся в родную деревню.
Поглядела старая мамо,
Головой покачала седою:
— Ой ты, Мирко, мой милый сыночек,
Обманула тебя Самовила,
Не дала животворной водицы,
Ты, как прежде — маленький мальчик
И врагам отомстить не сумеешь. —
Три недели так пролетели,

И в начале четвертой недели
Показались на горной дороге
Белокурые лиходеи.
В желтых сумках чугунные бомбы
Да награбленные браслеты.
Пистолеты за пояс заткнуты,
За плечами короткие ружья.
На ходу убили молодку,
Всю в механе выпили водку.
Чуть завидел маленький Мирко
Белокурых врагов-лиходеев,
Как вода, что дала Самовила,
Побежала по жилам горячим,
Подступила к самому горлу,
Закипела яростью в сердце.
И великое чудо случилось:
Стал расти черногорец Мирко,
Словно свежий дубок на поляне.
Подходили враги все ближе —
Становился все выше мальчишка,
В дом ввалилась толпа лиходеев —
Мирко стал и высокий и взрослый,
Пистолет он схватил отцовский,
Стал стрелять и метко и быстро.
Зашипели горячие пули,
И завывли враги-лиходеи.
Мирко швабов убил на месте.
И во имя священной мести
Положил на дороге Мирко
Белый камень, камень высокий.

И по просьбе бесстрашного Мирко
Престарелый писец из Цетинье
Четкой вязью на камне вывел:
„Мирко я, из крестьянского рода,
Мщу за горе родного народа.
Я был мал, но лесная Вила
Напоила меня водою,
И я вырос, как дуб на поляне,
Ярость к немцам дает мне силы...
Ой, прохожий, прочти эти строки
Да иди скорее в пещеру
По единой прямой дороге
В непреклонную нашу чету.
Если слаб, то не бойся — в сраженьи
Жажда мести даст новые силы.
Ты отважным станешь юнаком,
И свобода лебедью-птицей
К нам примчится в огне и битве...
Расцветут каранфилы и маки
На крутых черногорских склонах,
Запоют веселые Вилы...
Только вражеские могилы
О былых сраженьях напомнят“.

ХОРВАТСКИЕ СТИХИ И ПЕСНИ

МОЯ ОТЧИЗНА

Прекрасна отчизна хорвата!
Леса богаты цветами,
Заката огонь багряный
Безбрежный простор озаряет.
И девушки наши красивы,
И косы у них глянцевиты,
А кожа белее сугроба;
До гроба верна девица
Любимому смелому парню.
Хорваты упрямы и храбры,
Не страшны им буйные ветры,
Пурга или вьюга лихая.
И верны отчизне хорваты,
Как любе своей ненаглядной.
Прекрасна отчизна хорвата!
Но горе тому, кто посмеет
Топтать наши мирные нивы,
Спесиво ходить по деревне.
И жечь закопченные избы,
Да грабить созревшее жито,
Да наших красавиц бесчестить,
Юнаков терзать без пощады.

Прекрасна отчизна хорвата!
И мы отомстим за отчизну...
Как смелые деды-ускоки,
Мы будем сражаться с врагами,
Рубить пруссаков ненавистных.
Проснулся наш Иво Синянин —
Ускок, не изведавший страха, —
И поднял белую шею,
И ус закрутил он лохматый.
Кричит наш Иво Синянин:
— Вставайте, родные хорваты
И смелые братья славяне!
В опасности наша отчизна
И жизнь и свобода наша,
Пойдемте ж с врагами сражаться,
Как некогда деды-ускоки
И доблестные граничары.
Товарищ, я зову послушен,
Иду я в глухую дубраву.
В дубраве зеленой, тенистой,
Где бук распластал свои ветки,
Почуешь, узнаешь, услышишь
Свободные, смелые вести.
Под корнем корявого дуба
Разыщешь ружье боевое,
Литые, горячие пули.
Взойдет новорожденный месяц
И, свесясь своими рогами,
Заглянет в дремучую чашу,
Где мы собираем отряды.

Ой, месяц — светило ночное,
Язык он не знает хорватский,
А то бы прославил юнаков
И белым лучом — своим пальцем —
С небес показал без утайки,
Где ходят, где бродят по бору
Врагов распроклятые шайки.
— Ой, месяц — немое светило,
Ты будь партизанам помощник,
Ты прячь нас от лютого немца
И тучами закрывайся,
Когда мы идем по долине.
Заблещет заря-заряница,
Поднимется красное солнце,
К нам спустит лучи золотые —
Свои огневые ладони.
Но солнце — светило на небе,
Оно говорить не умеет,
А то бы прославило солнце
И смелость, и гордость хорвата,
Любовь его к милой отчизне,
И верность родному народу.
— Ой, солнышко, красное солнце
Свети нашим недругам-немцам
В белесые жадные очи
Да их ослепляй беспощадно
Своими руками-лучами!
Идите, хорваты, в дубравы,
Берите скорее оружие!
На битву за нашу свободу

Вперед, молодые юнаки!
И в полночь, за красною вербой,
Хорваты и сербы вместе
Уложат врага на месте
Литою чугуною бомбой!
И в полночь к путям проберутся
Бесстрашные партизаны —
И дрогнут мосты от взрыва,
И белые камни треснут!
И в полночь хорваты и сербы,
Как древние деды-ускоки,
Все жито сожгут на поле,
Пшеницу спалят в амбарах.
Пусть дымное пламя пожара
Да гул от далекого взрыва
Напомнят врагам-иноземцам,
Что любят хорваты отчизну.
Прекрасная родина наша,
Леса, и левады, и пашни,
Клянемся, вы сбросите цепи,
И будет отчизна свободна!

КУЗНЕЦ ИВА

Что белеет над селеньем —
Это лебеди седые
Или облако большое?
Нет, все лебеди седые
В край далекий улетели,
Облака умчались тоже

За осенние дубравы,
За багряные дубравы
Это дым плывет над кровлей.
Дым над кузницей клубится.
Там на горне закопченном
Пламя красное пылает,
Пламя жаркое пылает,
Вспенясь, плавятся металлы.
И кузнец стоит у горна —
Ива, мастер хитроумный,
И рукой своею белой
Он выковывает ловко
Ятаганы, ружья, сабли
Для отважных побратимов —
Смелых четников хорватов.
Сразу двери распахнулись —
И огонь угас на горне, —
Быстро в кузницу входили
Немцы, бурые, как крысы,
Угнетатели-фашисты.
Говорят хорвату Иве:
— Нет ни в Вене, ни в Берлине
Кузнеца искусней Ивы.
Ива, мастер хитроумный,
Ты возьми у нас пергамент,
На пергаменте прозрачном
Черной краской рисовали
Мы телегу-самокатку,
Что плывет рекой, как лодка.
Сразу чашу рассекает,

Вихрем мчится через выюгу,
На лугу коней обгонит,
Всех сомнет, побьет, растопчет
Та железная телега. —
Усмехнулся мастер Ива,
Хитроумный мастер Ива
Взял скорей пергамент белый,
Двери кузницы он запер
И телегу-самокатку
Через девять дней построил.
Вот летит она со свистом,
И колеса мечут искры,
И в телегу сели немцы,
Угнетатели-фашисты.
Мнет телега травы, камни
И в дубраву прямо мчится.
А в дубраве златолистой
Притаились партизаны,
Вместе с ними мастер Ива,
Хитроумный мастер Ива.
Чуть завидевши телегу,
Он достал литую пулю
Из свинца и волчьей кости,
Звонко пуля завизжала
И ударилась в телегу,
И железная телега,
Как полено, запылала
И на части развалилась,
Угнетателей убила.
Тихо молвит мастер Ива

—Ой вы, смелые хорваты,
Партизаны удалые,
Я храню пергамент белый,
И умело я построю
Вам телегу-самокатку,
Что плывет водой, как лодка,
Сразу чащу пересекает,
Вихрем мчится через вьюгу,
На дугу коня обгонит,
Все сомнет, побьет, растопчет
Та железная телега.
Вы садитесь в ту телегу,
Бейте немцев без пощады.

НЕВЕСТА ДЭЛИ-МАРКО

...Не вернулся мой любимый,
Он с врагами храбро бился.
Я ходила, я искала,
Где любимого могила.
Я пошла на поле брани,
Много там лежит убитых
Наших смелых партизанов,
Наших доблестных хорватов.
Низко вороны летают,
Злые вороны летают,
Воют волки на поляне,
Чуют свежую добычу.
Ржут напуганные кони
И копытом землю роют,

Черный конь навстречу мчится,
Конь ретивый Ластовица,
Вся изодрана попона.
Эту красную попону
Я сама на стане ткала,
Белым шелком вышивала
И любимому дарила.
—Ты скажи мне, конь ретивый,
Конь ретивый Ластовица,
Где лежит убитый Марко,
Марко, мой отважный Марко,
Жарко я его любила,
Он мне яблоко и перстень
Подарил на обрученье! —
Тихо молвит конь ретивый:
—Нет среди убитых Марко,
Он живой, лишь ранен тяжко,
Он за родину сражался!
Девять ран горят на теле,
На юнацком белом теле.
Храбро бился Дэли-Марко,
Девять немцев он зарезал,
Но десятый, самый лютый,
Опрокинул Дэли-Марко,—
Ярко небо загорелось,
Встали зори-заряницы,
И трава росой умылась.
Я ступала по тропинке
Легкой белою ногою,—
За конем я шла ретивым,

По прозванью Ластовица,
Берегом реки широкой,
Где калина и малина
Ветки свежие склонили,
Где лежал любимый Марко,
Смелый воин Дэли-Марко.
Я настоем трав зеленых,
Я прозрачную водою
Раны Марко промывала,
Перевязывала раны
Домотканною холстиной.
— Поправляйся, мой любимый,
Смелый четник Дэли-Марко. —
И открыл любимый веки,
Тихо раненый промолвил:
— Здравствуй, милая невеста,
Впереди сражений много,
Я поправлюсь — буду снова
Бить проклятого фашиста,
Окаянного тевтона. —
Я юнаку отвечала:
— Мой любимый Дэли Марко,
Всюду я пойду с тобою,
Огневые, злые раны
Залечу на поле боя.
Пистолет возьму хорватский;
Надо — буду с немцем драться,
И добьемся мы победы,
Вольной воли мы добьемся.

СТОЯН И СТОЯ

Сел Стоян за стол дубовый,
Подозвал белянку Стою,
Стал писать пером гусиным
К милым братьям полоненным,
К милым сестрам полонянкам.
Говорит белянка Стоя:
— Расскажи, Стоян суровый,
Что в письме своем напишешь
Из Хорватии сожженной
К милым сестрам полонянкам,
К милым братьям полоненным?—
Говорит Стоян суровый:
— На руках сестер и братьев
Кандалы звенят литые,
Их ковали в дальнем Бече
И в Берлине распроклятом
Угнетатели-фашисты.—
Говорит белянка Стоя:
— Ты скажи, Стоян суровый,
Чем в письме своем утетишь
Из Хорватии сожженной
Наших братьев полоненных
И славянок полонянок?—
Говорит Стоян суровый:
— С каждым днем сильнее четы,
Жарче с недругом сраженья,
И несет славянский ветер
Рыжим немцам поражение...

Если дружно встанут сестры,
Если дружно встанут братья,
То сорвут литые цепи
И забросят эти цепи
В раскаленное огнище,
Чтоб расплавились оковы .
И сгорели без остатка. —
Говорит белянка Стоя:
— Знаю, брат Стоян суровый,
Сильны немцы-людоеды,
Больше я не жду победы,
Лишь в неволе горько плачу
О своей судьбине горькой,
О Хорватии сожженной,
О славянских полонянках
И о братьях полоненных. —
Говорит Стоян суровый:
— Тяжки черные оковы,
Пауки-тевтоны сильны,
Из железа злое тело,
Только ноги из мочала...
Коль пойдешь на битву смело,
Злые недруги фашисты
С хрипом свалятся на землю.
Мы рубиться с ними будем,
Как рубились деды наши.
Не придет сама победа,
Но победы мы добьемся!
Нам сейчас не нужны слезы,
Ты, моя сестрица Стоя,

Вытри черные ресницы.
Видишь, солнце золотое
Над Хорватией восходит,
Вытри слезы, дева Стоя.
Наше солнце золотое
И над Сербией восходит,
И над Чехией восходит,
И над Черными Горами,
И над горькой польской Вислой,
Где печаль, как дым, нависла,
И над русскими степями,
Над полями и холмами.
Будут тяжкие сраженья,
Станем черпать кровь ковшами,
Но победа, словно птица,
Прилетит к славянам смелым.
И об этом напишу я
Из Хорватии сожженной
Милым сестрам полонянкам,
Милым братьям плененным.

ПОЛЬСКИЕ СТИХИ И ПЕСНИ

ПЕСНЯ ПОВСТАНЦЕВ

Не отдадим земли родной
И свой язык свободный,
Народ мы польский, молодой,
Из пястовского рода.
Нас не погубит недруг-волк,
Поможет нам Дажбог,
Прославленный Дажбог!
Доколе кровь кипит в сердцах,
Доколь мы сильны духом,
Не обратит нас в пыль и прах
Злодейка-заваруха.
Мы защитим родной порог.
Поможет ветер нам Дажбог,
Прославленный Дажбог!
Не будет шваб плевать в лицо,
Детей не онемечит!
Мы окружим врага кольцом...
Смелей пойдем на сечу!
Гремит в бору призывно рог,
Восстанью помогай. Дажбог,
Прославленный Дажбог!

* * *

Я сын истерзанной Польши,
Я сын независимой песни.
О чем пропою сегодня—
Народной горечи вестник?
Сентябрь земли родимой
Отравую в сердце брызнул,
Зачем же рука безоружна
И безоружна отчизна?
Хочу сохранить и в изгнание
Свежесть родимой дубравы,
Испепелить свое сердце,
Стихов зажигая пламя.
Хочу, чтоб свободно крыло
Поднялось над бетоном Варшавы,
Чтобы ветер восточный шумел,
Колыхая червонное знамя.
Варшава, хвала прекрасным
И гордым твоим руинам!
Я буду плакать, целуя
Разбитого камня холод..
Мне руки скорей протяните,
Сестра Беларусь с Украиной!
Свой дух партизанский вдохните
И дайте свой серп и молот..
Борцов все больше и больше,
И с ними пойду я вместе.
Зажжется рассвет над Польшей—
Вольности солнца предвестник.
Рука моя безоружна,

Но жаждет оружия и мести.
Я сын истерзанной Польши,
Я сын независимой песни.

ПЕСНЯ ПАРТИЗАНКИ

Ой, повеял вольный ветер
С ясного востока...
Ходит-бродит на рассвете
Над рекой широкой.

Камыши шумят на Висле,
Зори—будто рана.
В тростниках и по дубравам—
Братья-партизаны.

Если б перья мне покрыли
Молодое тело,
Я бы к другу над водою
Чайкой полетела...

Увидала б древний Краков—
Город камнетесов,
В горьком дыме на Карпатах
Голые утесы.

Там пруссак и мнет и топчет
И цветы и травы.
Он Варшаву, Лодзь и Ломжу
Напоил отравой...

И обугленные руки
Подняли деревья...

И смешались слезы с кровью,
Потекли в деревне.

Камыши шумят на Висле,
Зори—будто рана,
В тростниках и по дубравам—
Братья-партизаны.

И повстанец Стах любимый
Крадется по кочкам,
У него в болотной тине
Грубая сорочка.

И ружье зажали крепко
Грубые ладони,
И хрипят от меткой пули
Вражеские кони.

Я сказала бы заклятье,
Как велит поверье,
Стали крылья бы руками,
И упали б перья

Закружились бы, как листья
Над глухой полянкой,
Стала б снова я Марысей,
Смелой партизанкой.

Вместе с другом Станиславом
Да с его отрядом
Мы врагу в бору устроим
Славную засаду.

Стук колес все ближе, ближе,
Дым все гуще, гуще...
То в Берлин немецкий поезд
Мчится через пущу.

Я под шапку спрячу косы,
Силы я утрою,
Ляжет поезд под откосом
Мертвою змеею.

Не ходи, немецкий поезд,
Польскими полями,
Не хватай, фашист, пшеницу
Грязными руками!

А под вечер после боя
Я в халупе тесной
Отогрею сердце Стаха
Стародавней песней.

Я спою осенней ночью,
Как рубились деды
И на копьях приносили
Славную победу.

СЫН ПЯСТА

Идет сын Пяста полем в своей сермяге грубой,
И крепко режет лемех ломти земли шершавой,
И напевают песню обветренные губы
Про дальние просторы и ласковые травы:

Гей, ты, моя поляна,
Земля моя кохана!
Глаза открыла в мае
Земля моя родная.
Мужицкое наследство—
Простое королевство;
Поляна—целый свет,
Где плуг оставил след.
Гей, дождь, поля омой,
Иди на помощь, зной!
Цвети, моя поляна,
Поляна—ясна панна,
Хозяйка и рабыня,
И я твой раб доньше
И твой хозяин древний
Из пястовой деревни.
Дажбог, могучий ветер,
Пошли мне счастья летом,
Пошли дожди на небо,
Дай мне побольше хлеба.

Сын Пяста, чу! Ты слышишь, как тяжело стонут
степи...

В твоих полях родимых позванивают цепи.
И чьи-то ноги топчут посев на польском поле—
Тевтон багроволицый тебе несет неволю.
Идет, шатаясь пьяно, идет и воет дико.
—Я этой польской нивы хозяин и владыка.
Я в дым развею право. В оружьи наша сила.
Германия полякам повымотает жилы.

Поляк, мужик упрямый, в разорванной сермяге,
Возьму твои посевы, как желтый лист бумаги.

Мужик в сермяге грубой
С тоской взглянул на поле
И крепко стиснул губы
От нестерпимой боли.
Глаза глядели сухо,
Слова звучали глухо,
Как сорванные струны:
—Пускай стрела Перуна
Скорей сразит тевтона,
Поправшего законы.
А я, мужик, как прежде,
Живу одной надеждой
На дедовские пашни,
Где стог подобен башне,
Где вольные повстанцы
Отплатят вам, германцы.
Тебе покорной дани я
Не дам вовек, Германия.
Уйду поутру рано
За Вислу к партизанам.
Народ восстанет польский,
Неправде крест положит,
Мы будем драться в поле,
И нам Дажбог поможет!

ЧЕШСКИЕ СТИХИ И ПЕСНИ

КАЖДОДНЕВНАЯ БАЛЛАДА

Как много бед в короткий день,
А за окном Иуды тень...
Обманов сколько видели
И подлости мы слышали...
Молчим и презираем.

И тишина сдавила нас...
Но он придет—восстанья час,
Не зря мы, в нестерпимой муке,
Так судорожно сжали руки...
Молчим и презираем.

И в детских глазках-васильках
Исчезнет боль, исчезнет страх.
Я вижу: сквозь покров тумана
Встают славяне-партизаны...
Надеемся и ждем!

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ О НАПОЛЕОНЕ

В девятнадцатом столетье
Жил да был на белом свете,
Громкой славой упоен,
Бонапарт Наполеон.
В самых огненных сраженьях
Он не ведал поражений...
Лег к востоку и закату
Императорский надел.
Краль французский,
Краль богатый
Груды золота имел,
Словно рожь, ссыпал в подвалы
Изумруды и кораллы,
Собирал везде добро,
Греб лопатой серебро.
Только мало Бонапарту
И сокровищ и земель, —
Он солдат погнал в Россию,
Через бурю и метель.
Пусты избы и амбары,
Вянет желтая трава,
И охвачена пожаром
Златоглавая Москва.
Но все чаще, чаще, чаще
Партизаны бродят в чаще,
И кутузовским манером
В русских рощах и лугах
Истребляют гренадеры

Ненавистного врага,
На защиту встал России
Славный витязь Еруслан —
Бонапарта подкосили
Гренадер и партизан.
И впервые поражение
Бонапарт узнал в сраженье.
Словно нищенки у гроба,
Стаи мечутся ворон...
По снегам и по сугробам
Уходил Наполеон.
Как от бури гибнут травы,
Так его погибла слава.
Белой птицею пурга
Замела следы врага.

НЕ ПРЕДАЙ!

Лишь о тебе, народ словацкий мой,
Лишь о тебе, поруганный мой край,
Я этот стих сложил простой,
Ты не предай!
...Кровавый над Бескидами рассвет
Встает, дымком пожарища одет.
В цепях моя родимая страна,
Но не предаст она!
Свободны будут снова, навсегда
И воздух, и гремучая вода,
Дремучие моравские леса,
И над Бескидами родные небеса.

Отечество, народ словацкий наш,
Ты не предашь!
Май расцветет попрежнему в сердцах,
И рожь заколосится на полях,
И будет ветер от свободы пьян...
Мы это ждем... Мы верим и твердим:
—Надежда наша, смелый партизан,
Тебя не предадим!

СВЯТОЙ ВАЦЛАВ

(Антифашистская листовка)

В чешском городе Праге стоит статуя святого Вацлава. Он изображен сидящим на коне, в латах, с пикой в руках.

Немец в пражском магистрате
Изумился: „Ах, мейн готт!“
Видя, что проситель в латах
Заявление подает.

И магистры прусской крови,
Как умели и могли,
По складам, нахмутив брови,
Заявление прочли.

Не изловленный полицией,
Славянин, святой Вацлав,
Озадачил всех арийцев,
Заявление написав.

„Обращаюсь к магистрату, —
Пишет мученик святой, —
Невтерпеж мне с пьедестала
Видеть немца день-деньской.

Я боюсь, моя кобыла
Их нечаянно лягнет...
Даже лошади постыло
Меднолобый видеть сброд.

Фон Нейрат, развесив губы,
Только глянет из окна,
Лошадь вздрогнет от испуга,
Хоть железная она.

А начнут фашисты дико
Гимны прусские орать —
Так из рук и рвется пика
Эту „рать“ подковырять.

Чехи мне кричат в экстазе:
— О Вацлав, святейший брат,
Иль не видишь безобразий,
Что свершает фон Нейрат?

Ты был витязем при жизни,
Пруссаков лупил где мог,
Помоги столкнуть фашизма
Бронированный сапог... —

Я давно молитв не слышу
(Все ксендзы сидят в тюрьме).

Шпики бурые, как мыши,
Ходят, бродят в полутьме.

Сами видите, едва ли
Остаться я могу
На высоком пьедестале
В этом избранном кругу.

Приказали мне, Вацлаву,
Чтобы, сидя на коне,
Я смотрел, как шуцман бравый,
За порядками в стране.

Я, Вацлав, я, витязь гордый,
Полицейским не бывал!
Пусть пруссак с побитой мордой
Станет здесь на пьедестал.

Время лучшее настанет —
Пруссака сметем, как сор.
А пока... я партизанить
Ухожу в дремучий бор“.

ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ НА БАЗАРАХ

1

Ах, как много бед и горя
Претерпели чехи...
Наши вопли, наши стоны
Повторяет эхо.

Пруссаки рукою потной
Стискивают горло,
Сапогом своим железным
Растоптали город...
Ой ты, Прага, наша Прага,
Чешская столица,
Над тобой пруссак летает
Рыжекрылой птицей.

2

Пруссаки владеют Прагой —
Вспомнишь, сердце ноет!
Ой, скажите, что страшнее
Вражьего разбоя?
Как законные владыки,
Немцы входят в хаты,
А на улицах старинных —
Пьяные солдаты.
Ой ты, Чехия родная,
Горькая вдовица,
Над тобой фашист летает
Кровожадной птицей.

3

Мало недругам добычи,
Рыскали в подвалах...
Даже клады под землею
Немцы разрывали.

Бирюзовые сережки
Иль отрез батиста
Отнимали у девчонок
Хищники-фашисты.
Полно, немец окаянный,
Над страной глумиться.
Партизан врага подстрелит,
Словно злую птицу!

4

Табуны коней крестьянских
И волов упрямых
Немец гнал в Берлин проклятый
По дороге прямо.
Пруссаки лакали водку,
Вина, мед и брагу,
Все деревни разорили,
Разорили Прагу.
Замутилась в нашей Влтаве
Чистая водица —
То фашист над ней летает
Кровожадной птицей.

ТАК БЫЛО КОГДА-ТО

Как и ныне, злые беды
Посещали нас...
Побеждали наши предки —
Победим сейчас...

Пруссаки топтали жито,
Жгли на поле хлеб,
Угнетателям ответил
Наш гуситский цеп.
Нас стократ, как спелый колос,
Мяла злая рать..
Мы стократ вставали, братья,
Встанем и опять.
Встанем!
Пулей пораженный,
Раненый встает,
За собой в кипенье боя
Он зовет народ.
Если скажут партизану:
—Возвратись домой! —
Крикнет чех презренной твари:
—Нет, иду на бой!

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРБСКИЕ СТИХИ И ПЕСНИ

Четник и Вила (народная песня)	3
Крепость (народная песня)	6
Марица (народная песня)	8
Самовила—меньшая сестрица (народная песня)	11
Любимый (народная песня)	14
Дороги. <i>Б. Якишич</i>	18
Милица-партизанка (народная песня)	19
Милица и Марко (народная песня)	21

ЧЕРНОГОРСКИЕ СТИХИ И ПЕСНИ

Вук и мать (народная песня)	25
Марко (народная песня)	26
Тодорка (народная песня)	29
Маленький Мирко (народная песня)	31

ХОРВАТСКИЕ СТИХИ И ПЕСНИ

Моя отчизна (народная песня)	35
Кузнец Ива (народная песня)	38
Невеста Дэли-Марко (народная песня)	41
Стоян и Стоя (народная песня)	44

ПОЛЬСКИЕ СТИХИ И ПЕСНИ

Песня повстанцев. <i>Мария Конопницкая</i> . . .	47
Я сын истерзанной Польши... <i>Вл. Броневский</i>	48
Песня партизанки. <i>Мария Осипчук</i>	49
Сын Пяста. <i>И. Терпиловская</i>	51

ЧЕШСКИЕ СТИХИ И ПЕСНИ

Каждодневная баллада. <i>Ст. К.</i>	54
Народная песня о Наполеоне	55
Не предай! <i>Ст. К.</i>	56
Святой Вацлав (антифашистская листовка)	57
Песни, записанные на базарах	59
Так было когда-то. <i>Иосиф Сладек</i>	61

Редактор В. Казин

Подписано в печать 25 мая 1942 г. А 65305 2 п. л.
Тираж 20000. Цена 1 р. 25 коп. Заказ № 1072.

Филиал 1-й образцовой типографии Огиза РСФСР треста
«Полиграфкнига». Свердловск, ул. Ленина, 47.

56

1 p. 25 Б.

